

Жить «по-английски» и говорить по-французски в произведении Л. Н. Толстого «Анна Каренина»

Stepan, Magdalena

Undergraduate thesis / Završni rad

2021

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:049811>

Rights / Prava: [In copyright](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2021-11-30**

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za rusku književnost

Završni rad

*Жить «по-английски» и говорить по-французски в
произведении Л. Н. Толстого «Анна Каренина»*

Student: Magdalena Stepan

Mentor: dr. sc. Danijela Lugarić Vukas

ak. god.: 2020/2021

Zagreb, 25. kolovoza 2021.

Содержание	
Введение.....	3
Жить по-английски	4
Отношение Толстого к английской культуре	4
Английская культура в «Анне Каренине»	5
Говорить по-французски	10
Русское дворянство и французский язык	10
Говорить по-французски.....	13
Заключение	16
Литература	18

Введение

«Семья – это особый микромир, со своими традициями, жизненными установками. То, что она аккумулирует, становится частью общественного менталитета и характеризует культурный уровень всего общества» (Шанская 2001: 17).

Явление, описанное в вышеприведенной цитате, показывает, как функционировало дворянство в девятнадцатом веке. Семья является источником культуры, по которой всё направлялось. Лотман определяет культуру как коллективное понятие. «Отдельный человек может быть носителем культуры, может активно участвовать в её развитии, тем не менее, по своей природе культура, как и язык, — явление общественное, то есть социальное. Следовательно, культура есть нечто общее для какого-либо коллектива — группы людей, живущих одновременно и связанных определенной социальной организацией» (Лотман 1994. 5-6с). Толстой, один из самых известных русских писателей, написал целый роман, посвященный русскому дворянству XIX века, под названием «Анна Каренина».

Как известно, В. Набоков высоко ценил творчество Л. Н. Толстого заявляя, что «Толстой – непревзойденный русский прозаик. Оставляя в стороне его предшественников Пушкина и Лермонтова, всех великих русских писателей можно выстроить в такой последовательности: первый – Толстой, второй – Гоголь, третий – Чехов, четвёртый – Тургенев» (Набоков 1999: 215). Как видно из приведенной цитаты, Лев Николаевич Толстой был и остаётся одним из самых влиятельных писателей России. Толстой начал работу над романом, который позже назовет «Анна Каренина», в марте 1873 года, уже закончив роман «Война и мир» (Thorlby 1987: 1). «Анна Каренина» рассказывает о браке и морали в аристократическом русском обществе 19 века. В центре действия, как известно, три дворянские семьи, чьи истории переплетаются. Жизнь члена русской дворянской семьи проходила в трех координатах: времени, места и действия. Поэтому окружение дворянской семьи является важной категорией (Шанская 2001: 17). Роман Толстого быстро завоевал популярность, одной из причин чего является тот факт, что, как писал Набоков, «...проза Толстого течёт в такт нашему пульсу, его герои движутся в том же темпе, что прохожие под нашим окнами, пока мы сидим над книгой.» (Набоков 1999: 219) Читатели говорили о героях Толстого так, как будто они были реальными людьми. У читателей было ощущение, что они сами являются частью сюжета романа, наблюдая за танцем Анны и Вронского на балу или обедая с Облонским.

Не забывая, что литературное произведение всегда является выдуманной, авторской репрезентацией определенного мира, роман «Анна Каренина» можно рассматривать, как энциклопедию культуры русской аристократии XIX века. Можно получить представление о том, как заключались браки в то время, где и что ели люди, как одевались и какие танцы танцевали на балах. Можно также увидеть, какие иностранные культуры оказали влияние на дворянство. В центре внимания данной работы – влияние Англии на российское дворянство и способ общения между дворянами, соответственно, почему и в каких ситуациях говорили по-французски. В первой части данной работы ставится задача показать, как герои романа включают английскую культуру в свою повседневную жизнь и каково их мнение об иностранной культуре. Для того, чтобы дать более подробный анализ литературных репрезентаций английской культуры в романе Толстого, дается также краткий обзор точки зрения Толстого на эту культуру. В связи с этим возникает вопрос: придерживается ли кто-нибудь из персонажей того же мнения, что и Толстой? Цель второй части – привести множество примеров, в которых используется французский язык, чтобы объяснить, почему французские местоимения «vous» и «tu» играют важную роль в общении в романе Толстого. Для того чтобы понять, почему русское дворянство в 19 веке говорило на французском языке, перед примерами дается исторический обзор, показывающий, как французский язык пришел в Россию и почему он использовался среди дворян чаще, чем русский язык. Отправной точкой для анализа послужила работа Б. Леннквист «Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: *Анна Каренина*», в которой можно найти большинство примеров темы работы «Жить по-английски и говорить по-французски». В заключении работы все основные выводы будут обобщены вкратце.

Жить по-английски

Отношение Толстого к английской культуре

Разные ученые указывали на исключительную роль английской культуры в русском дворянском сознании во второй трети 19 века. На пример, «В русском культурном сознании образ Англии, английская тема, как парадоксальное средоточие культурных, художественных, политических реалий, становится предметом осмысления и порой острого конфликтного переживания в XIX в.» (Сарана, 2014: 83) Многие междисциплинарные исследования были посвящены восприятию английской культуры. «Анна Каренина» с протокольной точностью описывает английскую моду 1870-х годов. Как писала Лугарич Вукас, интерес Толстого к британской литературе и

викотрианскому роману был хорошо документирован. Несмотря на тесную связь с русской культурой и народом, Толстой в юности воспринимал Англию как цивилизованную страну, которую можно рассматривать как утопию, недостижимую для России. (Лугарич Вукас 2020: 22). Для Толстого английская литература представляет собой важный источник вдохновения, но также отчуждения и разрушения. Это особенно ясно видно на примере мотива поезда, поскольку этот мотив ассоциируется с Англией того времени, так как Англия первой ввела железную дорогу, которая сыграла важную роль в промышленной революции. Английское рассматривается в романе Толстого как нечто чужое, второе, вытесняющее старый, русский уклад жизни. Это мнение прослеживается уже в его романе «Война и мир», который был опубликован до «Анны Карениной». Хотя речь идет о наполеоновских войнах, в которых Англия играет важную роль, об Англии умалчивается лишь на первый взгляд. Несмотря на это впечатление, Толстой не умалчивает об Англии. Скорее, с самого начала чувствуется негативное отношение к Англии. (Орлов 2019: 18).

Особое отношение Толстого к Левину отмечено уже много раз. На пример, «Толстой излил большую часть своего собственного опыта через героя Левина ...» (Thorlby 1987: 6). Хотя мнение Левина об английской теме будет более подробно рассмотрено в следующей главе работы, уже сейчас можно сказать, что Толстой критиковал в своем романе холодность английской жизни и ее неестественность. Несмотря на эту критику, «... английская тема встречается в романе Толстого регулярно и в разных формах ...» (Лугарич Вукас 2020: 23), о чём будет сказано далее. Это можно объяснить тем, что Толстой сам был частью русского дворянства и не мог отрицать влияния Англии на этот социальный класс. Английское было признаком культурности в его социальном классе. Чтобы более подробно объяснить английскую тему, обратимся к примерам из романа.

Английская культура в «Анне Каренине»

«Английская „тема“ — как музыкальная или цветовая — проходит через весь роман. Она „сгущается“ вокруг некоторых персонажей и обстоятельств их жизни, что выражается в описании вещного мира и в использовании английских слов и выражений» (Леннквист 2010: 48). Первая встреча с этой темой происходит уже в первой части романа, когда Таня и Гриша играют. Мотив поезда реализуется в их игре, и в предыдущей главе уже упоминалось, какую роль поезд играл в культуре того времени. «— Я говорила, что на крышу нельзя сажать пассажиров, — кричала по-

английски девочка, — вот подбирай!“ „Все смешалось, — подумал Степан Аркадьич, — вон дети одни бегают“. И, подойдя к двери, он кликнул их. Они бросили шкатулку, представлявшую поезд, и вошли к отцу» (Толстой, эл. публ., ч. 1, гл. 3).

Первые слова на английском языке в романе можно услышать от персонажа, чья жизнь во многом вращается вокруг английской культуры. Вронский стоит на московском вокзале, где впервые встречает Анну, и в разговоре со Стивой Облонским использует свою известную фразу: «— Но Алексея Александровича, моего знаменитого зятя, верно, знаешь. Его весь мир знает.— То есть знаю по репутации и по виду. Знаю, что он умный, ученый, божественный что-то... Но ты знаешь, это не в моей... not in my line, — сказал Вронский» (там же, ч. 1, гл. 17). Эта фраза будет сопровождать его до конца романа, потому что Анна решает больше не иметь детей, а поскольку он не женат на Анне, его дочь должна взять фамилию мужа Анны, поэтому его род или, как говорят по-английски «line», на нем закончится. Вронский не только использует английский язык в повседневном общении, но и вся его жизнь подчинена английскому стилю. Так, в своей работе «Пушкин и Толстой» Эйхенбаум проводит параллель между Вронским и пушкинским Онегиным и пишет, что Вронский «... второй Онегин, более примитивный, но зато более решительный» (2009: 708). Онегин – один из самых известных денди русской литературы, и образ жизни и поведение Вронского не сильно отличаются от онегинского. Среди русских денди такое поведение было известно еще до того, как человек услышал о Байроне и Бремеле или о самом слове «денди». Карамзин описал феномен дендизма как союз бунтарства и цинизма, насмешливое отношение ко всем принципам «пошлой» морали (Лотман 1994: 128). Жизнь Вронского в Петербурге – источник английских мотивов. Большую часть времени он проводит в Английском клубе, который считается местом страстных игр, происходящих в так называемой «инфернальной». (Леннkvист 2010: 51) У Вронского также есть типично английское хобби: в свободное время он увлекается скачками. В то же время его окружение находится под влиянием английской культуры. У него есть «грум», тренер – «сухой англичанин», который постоянно кричит «All right!». Леннkvист замечает, что скачки Вронского очень похожи по форме на игру в «инфернал» в вышеупомянутом Английском клубе.

Анна также имеет склонность к английскому образу жизни. Сразу после бала, где она влюбилась во Вронского, она разговаривает с Долли и использует английскую фразу «skeletons in the cupboard»: «— Без тебя Бог знает что бы было! Какая ты

счастливая, Анна! — сказала Долли. — У тебя всё в душе ясно и хорошо.— У каждого есть в душе свои skeletons, как говорят англичане.— Какие же у тебя skeletons? У тебя все так ясно» (Толстой, эл. публ., ч. 1, гл. 28). Выражение «skeletons in the cupboard» означает нечто постыдное, личное, что должно оставаться в тайне. Анна произносит эту фразу «чужими словами», но она имеет в виду свою тайну, связанную с ее чувствами к Вронскому. Чтобы отвлечься от своих чувств, она читает в поезде английский роман, что только заставляет её еще больше задуматься о своих чувствах к собственной жизни. Чтение Анной английского романа становится важной особенностью ее личной истории. Ее реакция на прочитанное становится одной из главных характеристик в дальнейшем сюжете романа. Сидя в поезде, ей пришлось несколько раз заставить себя читать роман. Английский роман можно рассматривать как своего рода «эскапизм, побег от скуки и пустоты, незавершенности ее собственной жизни». (Лугарич Вукас 2020: 28) В мыслях Анны граница между вымыслом и реальностью становится все более размытой, поэтому ее стремление к «английскому счастью» (там же) становилось все более очевидным. Героиня романа становится alter ego Анны, что заставляет Анну осознать, насколько она несчастна в своей жизни. Для Анны Вронский становится главным героем её личного английского романа. Её «английское счастье» с Вронским развивается особенно в салоне кухни Вронского Бетси Тверской, который считается одним из самых английских. Анна не чужда английским салонам, поскольку её муж Алексей Каренин посещает салон графини Лидии Ивановны. Кружок вокруг Лидии Ивановны характеризуется модной религиозностью с английским привкусом. Между тем, салон принцессы Бетси совсем другой. В кругу Бетси царит легкость в общении с противоположным полом, а английский образ жизни Бетси оказывает сильное влияние на Анну. Легкость, которую Анна ощущает в салоне Бетси, становится для нее образцом жизни. «Играют в крикет, а женщины – чтобы показать свою эмансипацию и приверженность новым модным обычаям – курят. Во всём салоне царит лёгкость в общении, свобода в отношениях между полами и поверхностность в общении, на что намекают английские выражения "small talk" и "we'll have a cosy chat", которые часто использует Бетси» (там же: 29). По отношению к своей дочери Анна следует английской манере поведения. Её дочь родилась под именем «Анна», но под влиянием английского языка стала «Ани» («Annie»), воспитывалась английской гувернанткой и называлась английским словом «baby». Даже в детской комнате можно увидеть английское, потому что ребенок окружен множеством приспособлений и машин, которые должны облегчить его

воспитание, но кажутся очень неестественными и чужими. «В детской роскошь, которая во всём доме поражала Дарью Александровну, ещё более поразила её. Тут были и тележки, выписанные из Англии, и инструменты для обучения ходить, и нарочно устроенный диван вроде бильярда, для ползания, и качалки, и ванны особенные, новые. Всё это было английское, прочное и добротное и, очевидно, очень дорогое» (Толстой, эл. публ., ч. 6, гл. 19). Детская комната Анны находится в имении Анны и Вронского в Воздвиженском. В этом месте Анна преследует свою идею «английского счастья» с Вронским. Они облегчили свою жизнь в деревне с помощью различных машин и обрабатывают свои поля с помощью американских приемов.

Невестка Анны Долли также приглашена в это имение. «Долли выступает своего рода „точкой нравственного отсчета“ для Толстого (который в этих главах чаще всего зовет ее „Дарьей Александровной“), и мы смотрим её глазами ...» (Леннkvист 2010: 56). Глазами Долли можно видеть жизнь в Воздвиженском, но также видим, как Долли воспринимает няню-англичанку: «Услыхав голос Анны, нарядная, высокая, с неприятным лицом и нечистым выражением англичанка, поспешно потряхивая белокурыми буклями, вошла в дверь и тотчас же начала оправдываться, хотя Анна ни в чём не обвиняла её. На каждое слово Анны англичанка поспешно несколько раз приговаривала: „Yes, my lady“» (Толстой, эл. публ., ч. 6, гл. 19). Внешность английской гувернантки пробуждает в Долли чувство, что она находится в чужой, ненатуральной семье. Она не может избавиться от мнения, что гувернантка-англичанка выглядит очень несимпатично. Даже с собственными английскими нянями у нее не очень хорошие отношения. Они тоже описаны в романе как несимпатичные и чуждые. Например, у мисс Гуль нет ни малейшего женского таланта, так как она чуть не испортила платье Тани, которое в итоге спасает русская няня Матрена Филимонова. Другая английская няня, работающая в семье Долли, — мисс Эллиот – позволяет детям делать всё, что угодно, и не заботится о них. В шестой части, в главе 15, Долли называет мисс Эллиот «машинной», потому что она всё делает механически и невнимательно. «Небрежностью, переходящей в развязность, отличается и „англизированный“ петербургско-московский блестящий молодой человек Васенька Весловский, всегда появляющийся в „шотландском колпачке с длинными концами лент назад“ и говорящий с „отличным английским выговором“» (Леннkvист 2010: 57). Васенька был гостем Левина до его пребывания в имении Анны и Вронского. Поскольку во время охоты он прострелил Левину ухо и флиртовал с женой Левина

Кити, Левину пришлось быстро с ним расправиться. По его мнению, «английский» Васенька не имел никакого дела в его имении. Когда Долли подъезжает к имению Анны в своей карете, она сталкивается с обществом, находящимся под сильным влиянием английских мотивов. Анна едет на лошади, которая, по мнению Долли, очень напоминает Вронского. Это краткое замечание только усиливает английский дух вокруг Вронского. Поведение Анны шокирует Долли с первой секунды: «В первую минуту ей показалось неприлично, что Анна ездит верхом. С представлением о верховой езде для дамы в понятии Дарьи Александровны соединялось представление молодого легкого кокетства, которое, по ее мнению, не шло к положению Анны» (Толстой, эл. публ., ч. 6, гл. 17). Долли чувствует неестественную, чужую, «английскую» атмосферу во время своего пребывания у Анны. «В верховой езде происходит, как кажется Долли, некое смешение мужской и женской роли. Это подчеркивается и в следующем эпизоде, когда Весловский садится на лошадь Анны, чтобы научить коня „галопу с правой ноги“» (Леннквист 2010: 60). Она воспринимает lawn tennis, как игру для детей, и не понимает, почему взрослые люди играют в lawn tennis. «Во время же игры Дарье Александровне было невесело. Ей не нравилось продолжавшееся при этом игривое отношение между Васенькой Весловским и Анной и та общая ненатуральность больших, когда они одни, без детей, играют в детскую игру» (Толстой, эл. публ., ч. 6, гл. 22). Переодевание Анны также чуждо ей. В течение одного дня Анна меняет одежду четыре раза, что Долли воспринимает как театр, а не реальную жизнь. Через весь роман проходит мысль о том, что жизнь в английском стиле – это больше театральная жизнь, чем реальная. Леннквист заключает, что жизнь Анны и Вронского в Воздвиженском оказывается «коррелятом ненатуральности» (Леннквист 2010: 68-69), что можно подтвердить выше приведенными цитатами. Более того, подобие петербургской среды, существовавшее в кругу Лидии Ивановны и в салоне Бетси, переносится в Воздвиженское (там же). Интересно отметить, что такая «рационально построенная жизнь» (там же) требует значительного вмешательства в природную жизнь, которая, согласно роману Толстого, является единственно верным образом жизни в России, вклад которой знаменито воплощает Константин Левин. Поэтому неудивительно, что Левин, как alter ego писателя, считает «строительство железных дорог (которые, кстати, впервые появились в Англии) роковым для русской жизни» (там же). Строительство железных дорог означает безвозвратное уничтожение «дикой природы», которая, согласно мировосприятию Толстого, «еще живет в России» (там же).

Модернизация страны порождает множество инноваций, большинство из которых негативно влияют на людей. Она приносит «машиноность» на фабриках, люди живут в кредит, чтобы иметь возможность позволить себе роскошный образ жизни. Леннkvист отмечает, что «английский роман» между Анной и Вронским, разыгравшийся на типичной английской железной дороге, также «вписывается в картину ненатуральности и неорганичности» (там же). Толстой связывает эти две черты с «англизацией» русской жизни. Поэтому жизнь в Воздвиженском также можно рассматривать как аналог жизни в Покровском имении Левина. В имении Левина жизнь не разыгрывается, а празднуется такой, какая она есть. У Долли нет ощущения, что она находится в отеле, как в имении Анны. Гостями у Левина являются только близкие друзья и члены семьи, а не случайные гости. «„Английское“ в романе участвует в том противопоставлении, которое Толстой проводит через весь роман, между „своим“ и „чужим“, органичным и наносным или искусственным» (там же: 71).

Говорить по-французски

Русское дворянство и французский язык

Русское дворянство находилось под сильным влиянием реформ Петра I, поэтому в XVIII и первой половине XIX века можно видеть государство, в котором дворянство рассматривается как «государственно- и культурно-доминирующее сословие» (Лотман 1994: 18). Одним из явлений, возникших во время правления Петра I и завоевавших большую популярность среди русского дворянства, была галломания. Так, словарь Ожегова описывает термин галломания как любовь ко всему французскому и слепое обожание оногo. Несмотря на свою популярность, галломания достигла своего пика во время правления Екатерины II, которая стала императрицей после государственного переворота, совершенного против ее мужа в 1762 году. Во время правления Екатерины галломания получила большое развитие, так как французский язык стал предпочтительным языком при дворе и среди дворянства. «Следует отметить, что при Екатерине галломания в России существовала на двух разных уровнях. Первый уровень – бытовая галломания, которая проявлялась в повседневном жизненном укладе, моде и т.д. Второй – политическая галломания, обусловленная тем, что в это время французский язык стал языком международного общения, а Париж – столицей европейской политики» (Орлов, эл. публ.). Социально-политические факторы, такие как внешняя политика России и идеология правительства, играли важную роль в отношении русского дворянства к французской

культуре. Франкофильство русского дворянства продолжалось до Октябрьской революции 1917 г. Даже Французская революция 1789 г. и царствование Александра I в 1812 г. уменьшили вестернизацию России лишь на очень короткое время.

«В 1783 году, по примеру Французской академии, в Москве была основана „Академия российская“. [...] Необходимость всесторонней подготовки для карьеры на государственной службе становилась всё более очевидной. Во второй половине XVIII века многочисленные дворяне отправились учиться в Германию, Англию и Францию» (Becker, эл. публ.). Чтобы поступить на государственную службу в России, молодые люди должны были принести с собой неизбежный набор качеств, как на пример умение читать, писать и считать, религиозные знания и хорошее знание французского языка (Шанская 2001: 21). Значительная часть книг, находившихся в личных библиотеках русской аристократии того времени, была привезена из Западной Европы. По произведениям, оставленным в библиотеках, можно проследить, как росло число переводов на русский язык. Вначале была тенденция переводить с итальянского или немецкого, но со второй половины XVIII века все больше склонялись к французскому. Так, Шанская также пишет, что больше всего франкоязычной литературы можно было найти в библиотеках дворян того времени. Даже молодым дворянкам приходилось изучать французский или немецкий языки во время своего поверхностного образования. Из-за такого влияния французской культуры многим дворянам пришлось учить русский язык в 1812 году. Многие русские дворяне придерживались мнения, что французский язык был «правильным» языком (Лотман 1994: 188), в то время как русский считался «неправильным или мужским» (там же). Воспитанием российского дворянства занимались гувернеры. В богатых аристократических семьях детей обучали французские гувернеры, которые составляли большинство гувернеров того времени. Если в семье был английский гувернер, это обычно объяснялось фиаско в образовании французов или любовью родителей к английской культуре (Becker, эл. публ.). В начале франкофильства качество образования было довольно низким. Только в конце XVIII века в Россию приехали профессиональные педагоги и подняли уровень образования. «Проявлением восприятия французской культуры русским дворянством является применение французского языка в делопроизводстве, дипломатии, а также влияние таких субъективных факторов как французские манеры, костюм (то, что называлось „лоском“) на судьбу дворян, занимающихся государственной деятельностью» (Шанская 2001: 25).

Русский литературный язык также является продуктом вестернизации России. В XVIII веке нынешняя форма русского языка была записана в России в противостоянии с предыдущим письменным языком, староцерковнославянским, и возведена в статус нового литературного языка. Ученые не могли прийти к единому мнению о том, какой путь выбрать для русского литературного языка. Это привело к языковым дебатам между сторонниками церковнославянского языка и сторонниками европеизации. «Главный сторонник тезиса о европеизации Н. М. Карамзин вновь ориентировался на французский литературный язык. В конце XVIII – начале XIX века Карамзин смог взять за основу разговорный русский язык дворянства с многочисленными заимствованиями из французского и других европейских языков» (Becker, эл. публ.). В русском языке можно найти множество заимствований из английского, немецкого и латинского языков, но с середины 18 века большинство заимствований происходит из французского языка. В 18 веке латынь не входила в «нормальную» образовательную программу, но считалась показателем образованности и, одновременно, педантичности. С другой стороны, знание французского языка создавало образ образованного человека и светского галломана. «О влиянии французского языка на русский литературный язык свидетельствуют многочисленные заимствования, в основном существительные, например: вояж (voyage), пейзаж (paysage), антураж (entourage), кураж (courage), блуза (blouse), фрак (frac), драп (drap), вуаль (voile), одеколон (eau de Cologne), парфюмерия (parfumerie), вальс (valse), партер (parterre), афиша (affiche), эстрада (estrade), буфет (buffet), бюро (bureau), багаж (bagage), купе (coupe), бульон (bouillon), туалет (toilette), лимонад (limonade), мармелад (marmelade), сосиска (saucisse), компот (compote), сержант (sergent), аванс (avance), киоск (kiosque), галиматья (galimatias). Среди фразеологизмов, которые дословно переведены с французского языка, являются: черт побери (diable m'emporte), игра не стоит свеч (le jeu ne vaut pas la chandelle), проглотить пилюлю (avaler la pillule), с птичьего полета (à vol d'oiseau)» (там же).

Галломания и франкофилия рассматривались несколькими авторами. В своем произведении «Евгений Онегин» А.С.Пушкин описывает образ жизни русского дворянства, на который оказали влияние французская культура и французский язык. «Следующий шаг был сделан Львом Толстым, который не испугался ввести в „Войну и мир“ обильную французскую речь, причём характерно, что французским языком наделяется особенно щедро русское светское общество» (Лотман 1994: 387). В «Анне

Карениной», которая анализируется в данной работе, также имеется большое количество примеров влияния французского языка.

Говорить по-французски

«Изучение использования французского языка в романе „Анна Каренина“ [...] обнаружило сложную семиотическую функцию этого языка в тексте. Каждый раз, когда герои пользуются французским (или когда сам автор вводит его в свою речь), этот язык как-то оформляет ситуацию, дает особую тональность происходящей коммуникации. Вокруг французского создается целый клубок смыслов» (Леннkvист 2010: 73).

Толстовский Левин негативно относится не только к английской культуре, но и к французскому языку. Ещё в юности, во время посещения семьи Щербацких, он удивлялся, почему они говорят то по-французски, то по-английски. Даже тогда он был против того, чтобы приводить иностранное в дом. Это его мнение не меняется и позже, как мы можем видеть в эпизоде его визита к сестре Кити, Дарье. Здесь Левин и Дарья говорят по-русски, а её дочь Таня отвечает на вопрос не по-французски, а по-русски, за что получает выговор от матери. «И для чего она говорит по-французски с детьми? — подумал он. — Как это неестественно и фальшиво! И дети чувствуют это. Выучить по-французски и отучить от искренности» (Толстой, эл. публ., ч. 3, гл. 10). В ресторане происходит еще одна ситуация, в которой можно увидеть отношение Левина к французскому. Левин обижен на француженку, которая принимает его и Стиву Облонского. «Он [Облонский] подошел к буфету, закусил водку рыбкой и что-то такое сказал раскрашенной, в ленточках, кружевах и завитушках француженке, сидевшей за конторкой, [...] Левин же только оттого не выпил водки, что ему оскорбительна была эта француженка, вся составленная, казалось, из чужих волос, *poudre de riz* и *vinaigre de toilette*. Он, как от грязного места, поспешно отошел от неё» (там же: ч. 1, гл. 10). Хотя Облонский не возражает против французского названия блюда, его друг Левин считает иначе. Это создает в его сознании образ ненатуральности. Облонский проявляет солидарность со своим другом, заказывая блюда, но официант повторяет все блюда на ненатуральном, по мнению Левина, французском языке. «— Ну, так дай ты нам, братец ты мой, устриц два, или мало — три десятка, суп с кореньями...— Прентаньер, — подхватил татарин. Но Степан Аркадьич, видно, не хотел ему доставлять удовольствие называть по-французски кушанья.— С кореньями, знаешь? Потом тюрбо под густым соусом, потом... ростбифу; да смотри, чтобы хорош был. Да каплунов, что ли, ну и

консервов. Татарин, вспомнив манеру Степана Аркадьича не называть кушанья по французской карте, не повторял за ним, но доставил себе удовольствие повторить весь заказ по карте: „Суп прентаньер, тюрбо сос Бомарше, пулард а лестрагон, маседуан де фрюи...“» (там же). Этот эпизод как раз и показывает противопоставление «нашего» и «чужого». Официант повторяет слова Стивы в точности так, как они напечатаны в меню. Стива принимает сторону своего друга, но показывает, что он точно знает, что ест.

Для других героев романа французский язык является нормальной частью их языкового репертуара и не является препятствием для их «русскости». Старый князь Александр Щербацкий также говорит «на том отличном французском языке, на котором столь немногие уже говорят теперь» (там же: ч. 2, гл. 34). Несмотря на это замечание, нет ни одной реплики, в которой князь говорит по-французски. Но много французских слов произносит его жена. «Если французский естествен для Щербацких [...], то так же натурален он и в великосветских кругах Петербурга. Но и там французский не нейтрален, он всегда привносит особый оттенок в речь героя. У кухни Вронского Бетси Тверской французские словечки летают в воздухе вперемежку с английскими» (Леннkvист 2010: 76). Слова персонажей, принадлежащих к аристократическому кругу, характеризуются французскими словами и отражают колорит манеры речи. Одним из таких примеров является друг Вронского Серпуховской: «*Tout ça est une blague*» [все это ложь], «*Cela n'est pas plus fin que ça*» [все это не так уж хитро], «Это я понимаю, но персеверировать ты не должен. Я только прошу у тебя *carte blanche*», «Трудно любить женщину и делать что-нибудь. Для этого есть одно средство с удобством без помехи любить — это женитьба. [...] Да, как нести *fardeau* [груз] и делать что-нибудь руками можно только тогда, когда *fardeau* увязано на спину, — а это женитьба» (Толстой, эл. публ, ч. 3, гл. 21).

Мать Вронского также не чужда французскому языку и использует его в разговоре с сыном: «„— Ну, а ты, говорят... *vous filez le parfait amour. Tant mieux, mon cher, tant mieux*“» (там же: ч. 1., гл. 18). Эта ситуация высвечивает еще одну лингвистическую проблему французского языка, или использование русских местоимений «ты – вы» и французских местоимений «*tu – vous*». Мать Вронского начинает с русского «ты», но в силу языковых манер, усвоенных от дворян, она использует привычное и знакомое «*vous*» на французском языке. Поскольку Толстой не дает никаких намеков на языковой контекст, можно только предположить, что

Вронский своим ответом и местоимением «вы» имеет в виду французское «vous». Британский лингвист Джон Лайонс рассматривает множество ситуаций, в которых местоимения используются по-разному. В романе можно обнаружить игру между тремя местоимениями: «ты», «vous», «вы». Русское «ты» очень фамильярно, «vous» обозначает определённую близость к собеседнику, а «вы» понимается как формальная вежливость. При анализе различных сцен трудно определить, обращаются ли персонажи друг к другу с французскими местоимениями, поскольку Толстой не всегда указывает языковой контекст. Одним из примеров, демонстрирующих использование приведённых местоимений, является сцена перед скачками, когда Вронский приезжает навестить Анну на даче. Он не использует здесь русское «ты», так как не знает, находятся ли они наедине во время разговора. До этой встречи они уже обращались друг к другу на «ты», но теперь Вронский считает ситуацию слишком опасной. «— Что с вами? Вы нездоровы? — сказал он по-французски, подходя к ней. [...] — Нет, я здорова, — сказала она, вставая и крепко пожимая его протянутую руку. — Я не ждала... тебя. — Боже мой! какие холодные руки! — сказал он. — Ты испугал меня, — сказала она. — Я одна и жду Серёжу, он пошел гулять; они отсюда придут. [...] — Простите меня, что я приехал, но я не мог провести дня, не видав вас, — продолжал он по-французски, как он всегда говорил, избегая невозможно-холодного между ними *вы* и опасного *ты* по-русски» (там же, ч. 2, гл. 22). В той же сцене Анна признаётся Вронскому, что беременна, а Вронский настаивает на французском «vous». Только после того, как Анна спрашивает, он обращается к ней «ты»: «[А.] — Но как, Алексей, научи меня, как? [...] Разве есть выход из такого положения? [В.] — Всё лучше, чем то положение, в котором ты живёшь. Я ведь вижу, как ты мучаешься всем, и светом, и сыном, и мужем» (там же). Пока Вронский говорит о том, что они должны что-то делать в этой ситуации, Анна сердится и обращается к нему с холодным «вы». «[...] в этой смене местоимений *vous* — ты ясно видна вся сложность использования французского языка. Тот или другой язык становится индикатором близости или отчужденности между говорящими. Выбором языка говорящий „выбирает тон“, и язык не только определяет само высказывание, но и влечет за собой реакцию слушающего» (Леннkvист 2010: 82). После того, как Каренин узнает, что у его жены роман с Вронским, он использует местоимение «vous», когда пишет ей письмо: «Он писал без обращения к ней и по-французски, употребляя местоимение „вы“, не имеющее того характера холодности, который оно имеет на русском языке» (Толстой, эл. публ., ч. 3, гл. 14). Каренин больше не может обращаться к Анне с дружеским «ты» после её

признания, хотя французское «vous» также подходит к его стилю. Когда Анна и Вронский обсуждают, стоит ли им ехать в Воздвиженское в седьмой части, еще раз убеждаешься в важности французского языка. Они обращаются друг к другу русским «ты». После ссоры, которую прерывает друг Вронского Яшвин, Анна выходит из комнаты и по-французски говорит с Вронским перед его уходом. Холодность Анны и её французский язык вызывают определённую холодность и у Вронского, и он продолжает мысленно спор на чуждом французском языке. Перед его уходом Вронскому кажется, что Анна что-то сказала: «— Что, Анна? — спросил он. — Я ничего, — отвечала она так же холодно и спокойно. „А ничего, так tant pis“, — подумал он, опять похолодев, повернулся и пошел» (там же, ч. 7, гл. 25). Используя французскую фразу tant pis, означающую «тем хуже» или даже «мне все равно», Вронский создает эмоциональный барьер между обидными словами Анны и своими собственными чувствами к ней. На следующий день Вронский пытается подойти к Анне с вопросом о её головной боли, но Анна остаётся холодной и отвечает ему французским «вы»: «— Да, кстати, — сказал он в то время, когда она была уже в дверях, — завтра мы едем решительно? Не правда ли? — Вы, но не я, — сказала она, оборачиваясь к нему. — Анна, эдак невозможно жить... — Вы, но не я, — повторила она. — Это становится невыносимо! — Вы... вы раскаетесь в этом, — сказала она и вышла» (там же, ч. 7, гл. 26). В этих диалогах между Анной и Вронским можно увидеть объем местоимения, так как за использованием Анной французского «вы» следует фраза Вронского «tant pis», заставляя их все дальше и дальше отдаляться друг от друга и приходить к концу их отношений. Используя французский язык, Толстой смог создать в своем произведении смысл, недоступный русскому языку (Леннkvист 2010: 84 - 85).

Заключение

«Еще в начале нашего века М. Горький писал о Толстом: „Весь мир, вся земля смотрит на него; из Китая, Индии, Америки – отовсюду к нему протянуты живые, трепетные нити ...“» (Ломунов 1965: 7). Произведения Толстого рано завоевали популярность, поэтому неудивительно, «... что Толстой в наше время занимает *первое место среди писателей всех стран* – и по числу переводов его книг на другие языки, и по количеству языков, на которые они переведены, и по числу переведённых произведений. [...] Творческие достижения Толстого в области романа-эпопеи, психологической повести, народной драмы до сих пор остаются непревзойденными»

(там же: 10-11). Роман «Анна Каренина» также является одним из его шедевров, потому что, как сказано в цитате Набокова во введении к этой работе, создается ощущение, что его герои – действительно реальные, живые люди, и что можно проникнуть в их жизнь. Этот роман насыщен мотивами разных культур, воплощённых в вымышленные персонажи русского дворянства. «Особенно бросались в глаза конкретные указания Толстого на язык, которым пользуются герои, — французский или английский — да и вообще его многочисленные замечания обо всём „французском“ и „английском“» (Леннkvист 2010: 8). Влияние английской культуры лучше всего видно на примере пары Анны и Вронского. Вся история их любви начинается после того, как Анна читает в поезде английский роман, что приводит к тому, что она признаётся самой себе в своих чувствах к Вронскому. Вронского также можно рассматривать как типичного денди, жизнь которого состоит из английских обычаев. Их совместная жизнь – это просто театральная постановка английской, точнее, иностранной культуры. Всё это ясно видит Долли, когда приезжает навестить их в Воздвиженское. Хотя она, сюжетно рассматривая, не является достаточно значительным персонажем, именно в этих эпизодах Долли становится главным героем, глазами которого человек смотрит на жизнь в Воздвиженском. В её восприятии явственно ощущается неприязнь к незнакомцу, из чего можно сделать вывод, что Толстой отражает своё собственное мнение о нём. Противоположностью Анне и Вронскому является пара Левин и Кити. Левин с самого начала показывает, что он не слишком высокого мнения о незнакомце. Он считает, что дом – это священное место, которое не должно быть изменено влиянием чужой культуры. Когда молодой Весловский был его гостем, Левину пришлось выгнать его, потому что он не выносил его иностранных манер. Более того, Левин отвергает французский язык, который также представляет иностранное. Между тем, другие персонажи не испытывают негативного отношения к французскому языку. «Исследование всех ситуаций, где герои им пользуются, показало особенную сложность связи внутренней жизни с языком, так как французский язык — одновременно и „свой“ и „не-свой“ для того общества, которое описывается в романе. Через французский язык стало возможным лучше и точнее разобраться в сложной анатомии интимных отношений Анны и Вронского — и понять внутреннюю суть их разрыва» (там же: 8-9). Английская культура и французский язык являются своего рода лейтмотивами, которые не только связывают отдельные части романа (создавая повествовательный «лабиринт сцеплений», как описывали ученые прозаическую манеру Толстого) в одно целое, а и создают эмоциональный ореол

вокруг описываемых событий, давая читателю заранее угадать ход событий. Главные герои романа оказывают либо привязанность к иностранному, либо отвращение к нему. Они также дают читателю краткое представление о том, как Толстой относился к культуре своего времени.

Литература

Леннkvист, Барбара (2010) *Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: Анна Каренина*. Москва: Языки Славянской Культуры.

Ломунов, Константин Николаевич (1965) *Всемирный авторитет*. В: *Литературное наследство. Толстой и зарубежный мир. Книга первая* (с. 7-40). Москва: Издательство «Наука».

Лотман, Юрий Михайлович (1994) *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX в.)*. Санкт Петербург: «Искусство – СПб».

Набоков, Владимир (1999) *Лев Толстой*. В: *Лекции по русской литературе. Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев* (с. 215-321). Москва: Независимая Газета.

Ожегов, Сергей Иванович (2008-2017). *Толковый словарь Ожегова*. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=4920>. Дата посещения: 20.7.2021.

Орлов, Александр (2019) «Англии конец!» *Британия и британцы как фигуры умолчания в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»*. Санкт Петербург: Алетейя.

Орлов, Александр (2014) *Галломания в России*. Режим доступа: <https://statehistory.ru/4648/Gallomaniya-v-Rossii--konets-XVIII---nachalo-XIX-v/>. Дата посещения: 20.7.2021.

Сарана, Наталья (2014) «Английский роман» Анны Карениной. *К исследованию англomании в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»*. В: *Русская филология 25. Сборник научных работ молодых филологов* (с. 83-90). Тарту: Тартуский университет.

Толстой, Лев Николаевич (1996) *Анна Каренина*. Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/1099/index.html>. Дата посещения: 30.7.2021.

Шанская, Татьяна Анатольевна (2001) *Восприятие французской культуры русским дворянством (первая четверть XIX века)*. Казань: Казанский государственный университет.

Эйхенбаум, Борис Михайлович (2009) *Пушкин и Толстой. В: Лев Толстой. Исследования. Статьи.* (с. 700-710.) Санкт Петербург: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета.

Becker, Lidia (2009) *Französisch als Sprache des Adelstandes im Russland des 18. bis 19. Jahrhunderts.* Режим доступа:

https://www.academia.edu/5641753/Franz%C3%B6sisch_als_Sprache_des_Adelstandes_im_Russland_des_18_und_19_Jahrhunderts. Дата посещения: 8.7.2021.

Lugarić Vukas, Danijela (2020) *Drugo i drugost: bilješke o Tolstojevoj „engleskoj“ Anni Kareninoj*. U: *Izleti u Drugo: mit, klasa i rod: (rasprave o ruskoj književnosti, filmu i popularnoj kulturi)* (str. 21-83). Zagreb: FFpress.

Thorlby, Anthony (1987) *Leo Tolstoy. Anna Karenina*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sažetak

Cilj je ovog završnog rada prikazati kako engleska kultura i francuski jezik utječu na život likova ruske aristokracije iz romana L. Tolstoja „Anna Karenina“. Tolstoj je i sam bio pripadnik ruske aristokracije pa se rad oslanja i na njegovo mišljenje o utjecaju engleske, tj. strane, kulture na život ruskog stanovništva 19. stoljeća. Ne zaboravljajući da je književno djelo uvijek fikcionalni, autorski prikaz određenog svijeta, roman se može promatrati kao enciklopedija ruskog društva 19. stoljeća, a važne su uloge u tom razdoblju imale strane kulture. Budući da je obitelj izvor određenih oblika ponašanja, naglasak se u analizi stavio na četiri obitelji različitih pozadina: obitelj Karenin, Oblonskij, Vronskij i Levin. U prvom se dijelu razrade primjerima pokazao utjecaj engleske kulture na život likova u romanu. S jedne strane postoje Anna i Vronskij koji sve englesko prihvataju u svakodnevnom životu. Anna čita engleski roman kada postaje svjesna svojih osjećaja prema Vronskomu te kasnije živi svoj vlastiti „engleski roman“ s Vronskim. Vronski je sa svojim životnim stilom pripadnik dandizma i engleski jezik igra važnu ulogu u njegovoj životnoj sudbini. S druge strane se nalaze Dolly i Levin koji vide nerealnost u engleskim načinu života. Tolstoj kroz lik Levina pokazuje svoju odbojnost prema svemu engleskom, a Dolly nakon svog posjeta Anni i Vronskomu primjećuje kako oni ne žive život nego se igraju života. U drugom se dijelu rad usmjeruje na francuski jezik u ruskoj aristokraciji 19. stoljeća. Nakon kraćeg povijesnog pregleda primjerima se pokazuje primjena francuskog u svakodnevnom životu. Naglasak se stavlja na primjeni francuski i ruskih zamjenica oslovljavanja sugovornika jer one daju jasan uvid u osjećaje prisnosti i otuđenosti jednog lika prema drugom.

Ključne riječi

„Anna Karenina“, L. N. Tolstoj, engleska kultura, francuski jezik, rusko društvo, 19. stoljeće

Ключевые слова

«Анна Каренина», Л. Н. Толстой, английская культура, французский язык, русское общество, XIX век

Kratki životopis

Magdalena Stepan rođena je 9. listopada 1997. u Ludwigsburgu, SR Njemačka. U Njemačkoj je završila prva četiri razreda osnovne škole te školovanje nastavlja u Hrvatskoj. Završila je Prvu gimnaziju Varaždin i 2016. upisuje dvopredmetni studij germanistike i ruskog jezika i književnosti na Filozofskom fakultetu Sveučilišta u Zagrebu. Godine 2020. upisuje prevoditeljski smjer na diplomskom studiju na Odsjeku za germanistiku. Tijekom srednjoškolskog obrazovanja sudjeluje na natjecanjima iz njemačkog jezika i geografije. Godine 2019. dobitnica je DAAD-stipendije te sudjeluje na ljetnoj stipendiji na Institut für internationale Kommunikation Düsseldorf.